

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-yil 3-son

VOLUME 5 / ISSUE 3 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.3.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT YURIDIK UNIVERSITETI

“Jurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas’ul:

O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Sharipov, Y. Yarmolik, E. Mustafayev, K. Abduvaliyeva, Y. Mahmudov, M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Musahhih:

S. Rasulova

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri, Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnom

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2025-yil 27-iyunda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 22,8
Adadi: 100. Buyurtma: № 84.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

BOSH MUHARRIR

B. Xodjayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy boshqarmasi boshlig‘i, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS’UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti kafedrasini mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY’ATI A’ZOLARI

J. Blum – Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (Boston, AQSh)

M. Vishovatiy – Gdansk universiteti professori (Gdansk, Polsha)

A. Hoshimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat boshqaruvi akademiyasi professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

I. To‘raboyev – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

S. Xolboyev – O‘zbekiston Respublikasi Sudyalari oliy kengashi huzuridagi Sudyalari oliy maktabi dotsenti, yuridik fanlar nomzodi (Toshkent, O‘zbekiston)

N. Raxmonkulova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiyasi universiteti dotsenti, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

J. Ne‘matov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi (Toshkent, O‘zbekiston)

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Шарипов, Е. Ярмолик, Э. Мустафаев,
К. Абдувалиева, Й. Махмудов,
М. Шарифова, Ш. Бекназарова

Корректор:

С. Расулова

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
27.06.2025.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 22,8. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 84.

Отпечатано в типографии

Ташкентского государственного
юридического университета.

100047, г. Ташкент, ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б. Ходжаев – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – доктор философии по юридическим наукам, доцент, начальник управления по науке Ташкентского государственного юридического университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – доктор философии по филологическим наукам, доцент, заведующий кафедрой узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – доктор права, профессор Школы права колледжа Бостона (Бостон, США)

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

А. Хошимхонов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

М. Ахмедшаева – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Х. Хаитов – доктор юридических наук, профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

И. Турабоев – доктор философии по юридическим наукам, и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

С. Холбоев – кандидат юридических наук, доцент Высшей школы судей при Высшем судейском совете Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

Н. Рахмонкулова – доктор юридических наук, доцент Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан)

З. Эсанова – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Ж. Нематов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

М. Курбанов – доктор философии по юридическим наукам, доцент (Ташкент, Узбекистан)

Р. Кучкаров – кандидат филологических наук, и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

E. Sharipov, Y. Yarmolik, E. Mustafaev,
K. Abduvalieva, Y. Makhmudov,
M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Proofreader:

S. Rasulova

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgokh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 27.06.2025.

Paper size: A4.

Cond.p.f: 22,8.

Units: 100. Order: № 84.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city, Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITOR-IN-CHIEF

B. Xodjaev – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Head of the Scientific Department of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovatiy – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

A. Khoshimkhonov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Akhmedshaeva – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

Kh. Khayitov – Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

I. Turaboev – Acting Associate Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Tashkent, Uzbekistan)

S. Kholboev – Associate Professor of the Supreme School of Judges under the Supreme Judicial Council of the Republic of Uzbekistan, Candidate of Legal Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

N. Rakhmonkulova – Associate Professor of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

Z. Esanova – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

J. Ne'matov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Kurbanov – Associate Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Tashkent, Uzbekistan)

R. Kuchkarov – Acting Associate Professor of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

MUNDARIJA

12.00.02 – KONSTITUTSIYAVIY HUQUQ. MA’MURIY HUQUQ. MOLIYA VA BOJXONA HUQUQI

11 **RAXIMOV DILMURODJON G’ULOMJON O’G’LI**

Davlat xizmatini tasniflash va ushbu jarayonda davlat fuqarolik xizmatining o’rni

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI. XALQARO XUSUSIY HUQUQ

23 **RUZINAZAROV SHUXRAT NURALIYEVICH**

Xususiyl huquq fani sohasida ilmiyl tadqiqot ishlarining ilmiyl-metodologik tahlili: muammo va yechimlar

36 **G’AYBULLAYEV ALISHER ISMATOVICH**

Tovar omborida omonat saqlash munosabatlarini fuqarolik-huquqiy jihatdan yanada takomillashtirish

46 **QILICHOVA MUNIRA AZIMJON QIZI**

Islom moliyasi normalariga muvofiq mudoraba shartnomasida kapital kafolati masalalari

62 **G’AFFOROV MEHRANGIZ SHAVKATOVICH**

Ulusldorlar ulush kiritish asosidagi qurilish shartnomasining zaif tarafi sifatida

73 **SIDIKOV RUSTAM**

Xalqaro huquqda uchuvchisiz uchish apparatlarining huquqiy tabiati: tasniflash yondashuvlari va suverenitet masalalari

85 **SARABEKOV A’ZAMJON ABDUQODIROVICH**

Blokcheyn va smart-kontraktlardan fuqarolik-huquqiy munosabatlarda foydalanish

92 **ZIYAMOV BOBURXON**

Raqamli diplomatiya va sun’iy intellekt: xalqaro huquqda tartibga solish jihatlari

12.00.04 – FUQAROLIK PROTSESSUAL HUQUQI. IQTISODIY PROTSESSUAL HUQUQI. HAKAMLIK JARAYONI VA MEDIATSIYA

102 **XABIBULLAYEV DAVLATJON YULCHIBOYEVICH**

Fuqarolik protsessida vakillik instituti: o’ziga xos ahamiyati va xususiyatlari

111 **XUDOYNAZAROV DADAXON AVAZ O’G’LI**

Oilaviy nizolarda mediatsiya

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

125 **NIGMATOV RUFTULLO OLIMDJONOVICH**

Buyuk Britaniyaning jinoyatchilikka qarshi kurashishga doir ilg’or tajribalari va ularning ayrimlarini milliy tizimga joriyl etish masalalari

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA
SUD EKSPERTIZASI134 **XUDAYBERGENOV BAXRAM KUANISHBAEVICH, PARAXATOVA SHAXNOZA YERNAZAROVNA**

Ekspertiza tadqiqoti uchun namunalar olish tergov harakati sifatida: nazariy va amaliy masalalar

146 **SADRIDDINOVA LATOFAT HUSNIDDIN QIZI**

Apellyatsiya va kassatsiya: ushbu yuqori instansiyalarning sud tizimidagi o'рни

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

155 **XALIQULOV KOMOLIDDIN NOSIROVICH**

Xorijiy davlat sud hukm (qaror)larini tan olish va ijro etish bo'yicha davlatlararo munosabatlarni tartibga solishda xalqaro shartnomalarning ahamiyati

12.00.12 – KORRUPSIYA MUAMMOLARI

166 **YULDASHEV MAQSUD MAMASOLIYEVICH**

Bojxona organlarini korrupsiyasiz sohaga aylantirishning huquqiy asoslari tahlili

12.00.14 – HUQUQBUZARLIKLAR PROFILAKTIKASI. JAMOAT XAVFSIZLIGINI
TA'MINLASH. PROBATSIIYA FAOLIYATI175 **DJUMANIYAZOVA DILFUZA KAMALOVNA, SHAYAKUBOV SHOMANSUR SHAKABILOVICH**Ijtimoiy xavf guruhiga kiruvchi yoshlar bilan ishlash tizimini takomillashtirish masalalari:
Toshkent viloyati va Toshkent shahri misolida

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО.
ФИНАНСОВОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

11 РАХИМОВ ДИЛМУРОДЖОН ГУЛОМЖОН УГЛИ

Классификация государственной службы и место государственной гражданской службы в этой системе

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО.
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

23 РУЗИНАЗАРОВ ШУХРАТ НУРАЛИЕВИЧ

Научно-методологический анализ научных исследований в области частного права: проблемы и решения

36 ГАЙБУЛЛАЕВ АЛИШЕР ИСМАТОВИЧ

Дальнейшее гражданско-правовое совершенствование отношений по хранению вещей на товарном складе

46 КИЛИЧОВА МУНИРА АЗИМЖОН КИЗИ

Вопросы гарантии капитала в договоре мудараба с точки зрения норм исламского финансирования

62 ГАФФОРОВ МЕХРАНГИЗ ШАВКАТОВИЧ

Долящики как слабая сторона договора долевого строительства

73 СИДИКОВ РУСТАМ

Правовая природа беспилотных летательных аппаратов в международном праве: классификационные подходы и вопросы суверенитета

85 САРАБЕКОВ АЪЗАМЖОН АБДУКОДИРОВИЧ

Использование блокчейна и смарт-контрактов в гражданско-правовых отношениях

92 ЗИЯМОВ БОБУРХОН

Цифровая дипломатия и искусственный интеллект: аспекты регулирования в международном праве

12.00.04 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. АРБИТРАЖ И МЕДИАЦИЯ

102 ХАБИБУЛЛАЕВ ДАВЛАТЖОН ЮЛЧИБОВЕВИЧ

Институт представительства в гражданском процессе: его значение и особенности

111 ХУДОЙНАЗАРОВ ДАДАХОН АВАЗ УГЛИ

Медиація в семейных спорах

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

125 НИГМАТОВ РУФТУЛЛО ОЛИМДЖОНОВИЧ

Передовой опыт Великобритании в борьбе с преступностью и вопросы его имплементации в национальную систему

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

134 ХУДАЙБЕРГЕНОВ БАХРАМ КУАНЫШБАЕВИЧ, ПАРАХАТОВА ШАХНОЗА ЕРНАЗАРОВНА

Получение образцов для экспертного исследования как следственное действие:
теоретические и практические вопросы

146 САДРИДДИНОВА ЛАТОФАТ ХУСНИДДИН КИЗИ

Апелляция и кассация: роль высших инстанций в судебной системе

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

155 ХАЛИКУЛОВ КОМОЛИДДИН НОСИРОВИЧ

Значение международных договоров в регулировании межгосударственных отношений
по признанию и исполнению судебных решений иностранных государств

12.00.12 – ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

166 ЮЛДАШЕВ МАКСУД МАМАСОЛИЕВИЧ

Правовой анализ основ преобразования таможенных органов в сферу, свободную
от коррупции

12.00.14 – ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОБАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

175 ДЖУМАНИЯЗОВА ДИЛЬФУЗА КАМАЛОВНА, ШАЯКУБОВ ШОМАНСУР ШАКАБИЛОВИЧ

Вопросы совершенствования системы работы с молодёжью, относящейся к группе
социального риска: на примере города Ташкента и Ташкентской области

CONTENTS

12.00.02 – CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW. FINANCIAL AND CUSTOMS LAW

- 11 **RAKHIMOV DILMURODJON GULOMJON UGLI**
Classification of civil service and the role of state civil service in this system

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 23 **RUZINAZAROV SHUKHRAT NURALIYEVICH**
Scientific and methodological analysis of research in the field of private law: problems and solutions
- 36 **GAYBULLAYEV ALISHER ISMATOVICH**
Further improvement of civil-legal relations of storage in a warehouse
- 46 **KILICHOVA MUNIRA AZIMJON KIZI**
Issues of capital guarantee in mudarabah contract from the perspective of islamic finance norms
- 62 **GAFFOROV MEHRANGIZ SHAVKATOVICH**
Shareholders as a weakness of the contract of share construction
- 73 **SIDIKOV RUSTAM**
The legal nature of unmanned aerial vehicles in international law: classification approaches and issues of sovereignty
- 85 **SARABEKOV AZAMJON ABDUKODIROVICH**
The use of blockchain and smart contracts in civil law relations
- 92 **ZIYAMOV BOBURKHON**
Digital diplomacy and artificial intelligence: regulation aspects in international law

12.00.04 – CIVIL PROCEDURAL LAW. ECONOMIC PROCEDURAL LAW. ARBITRATION PROCESS AND MEDIATION

- 102 **KHABIBULLAYEV DAVLATJON YULCHIBOYEVICH**
The institute of representation in civil procedure: its significance and characteristics
- 111 **KHUDOYNAROV DADAHON AVAZ UGLI**
Mediation in family disputes

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- 125 **NIGMATOV RUFTULLO OLIMDJONOVICH**
Advanced experience of Great Britain in combating crime and issues of implementing some of them in the national system

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND
FORENSIC EXPERTISE

134 **KHUDAYBERGENOV BAKHRAM KUANI'SHBAEVICH, PARAKHATOVA SHAKHNOZA YERNAZAROVNA**

Obtaining samples for expert examination as an investigative action: theoretical and practical issues

146 **SADRIDDINOVA LATOFAT HUSNIDDIN KIZI**

Appeal and cassation: the role of these higher instances in the judicial system

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

155 **KHALIKULOV KOMOLIDDIN NOSIROVICH**

The importance of international treaties in the regulation of interstate relations on the recognition and execution of judicial rulings (decisions) of foreign states

12.00.12 – CORRUPTION PROBLEMS

166 **YULDASHEV MAQSUD MAMASOLIYEVICH**

Analysis of the legal basis for transforming customs authorities into a corruption-free sphere

12.00.14 – CRIME PREVENTION. ENSURING PUBLIC SAFETY. PROBATION ACTIVITY

175 **DJUMANIYAZOVA DILFUZA KAMALOVNA, SHAYAKUBOV SHOMANSUR SHAKABILOVICH**

Issues of improving the system of working with youth belonging to socially risk groups: on the example of Tashkent region and the city of Tashkent

Kelib tushgan / Получено / Received: 05.05.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 17.06.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 27.06.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.3./VJGE6287

UDC: 341.226.2(045)(575.1)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И ВОПРОСЫ СУВЕРЕНИТЕТА

Сидиков Рустам,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0009-0002-5125-7896

Аннотация. В статье рассматриваются юридические аспекты классификации и регулирования беспилотных летательных аппаратов в рамках международного воздушного права. Анализируется эволюция международно-правовых подходов к определению правового статуса беспилотных летательных аппаратов – от положений Чикагской конвенции 1944 года до современных стандартов и рекомендаций Международной организации гражданской авиации. Особое внимание уделено проблемам классификации беспилотных летательных аппаратов, включая терминологические расхождения и различные таксономические подходы, основанные на весе, назначении и технических характеристиках. Исследуются вопросы государственного суверенитета над воздушным пространством в контексте трансграничных операций беспилотных летательных аппаратов, включая определение вертикальных пределов такого суверенитета. Рассматривается правовое разграничение между государственными и частными беспилотными летательными аппаратами, а также критерии их классификации в различных национальных юрисдикциях. На основе сравнительного анализа регуляторных моделей различных государств выявлены тенденции к гармонизации и фрагментации в международном регулировании беспилотной авиации. Сделан вывод о необходимости разработки специализированных международно-правовых инструментов, способных учесть уникальные особенности беспилотных летательных аппаратов и обеспечить баланс между технологическими инновациями и легитимными интересами государств в сфере авиационной безопасности.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, международное воздушное право, правовая классификация, суверенитет воздушного пространства, Чикагская конвенция, стандарты, трансграничные операции, национальные регуляторные модели

XALQARO HUQUQDA UCHUVCHISIZ UCHISH APPARATLARINING HUQUQIY TABIATI: TASNIFLASH YONDASHUVLARI VA SUVERENITET MASALALARI

Sidikov Rustam,

Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. Ushbu maqolada xalqaro havo huquqi doirasida uchuvchisiz uchish apparatlarini tasniflash va tartibga solishning huquqiy jihatlari o'rganilgan. Shuningdek, 1944-yildagi Chikago konvensiyasi qoidalaridan tortib zamonaviy IKAO standartlari va tavsiyalarigacha bo'lgan uchuvchisiz uchish apparatlarining huquqiy maqomini belgilashga doir xalqaro huquqiy yondashuvlarning evolyutsiyasi tahlil qilingan. Maqolada, ayniqsa, uchuvchisiz uchish apparatlarini tasniflash muammolariga, shu jumladan, terminologik nomuvofiqliklar va vazn, maqsad hamda texnik xususiyatlarga asoslangan turli taksonomik yondashuvlarga alohida e'tibor qaratilgan. Shuningdek, davlatning o'z hududi doirasidagi havo bo'shlig'iga nisbatan suverenitetining asosiy masalalari chegaralararo uchuvchisiz uchish apparati operatsiyalari va suverenitetning vertikal chegaralari kontekstida ko'rib chiqildi. Davlat va xususiy uchuvchisiz uchish apparatlari o'rtasidagi huquqiy farq o'rganilib, turli yurisdiksiyalarda ularni tasniflash mezonlari tahlil qilindi. Shu bilan birga, maqolada turli davlatlarning tartibga solish modellarini qiyosiy tahlil qilish asosida uchuvchisiz aviatsiyani xalqaro tartibga solishda uyg'unlashtirish va parchalanish tendensiyalari aniqlandi. Xulosada uchuvchisiz uchish apparatlarining o'ziga xos xususiyatlarini hisobga olishga va texnologik innovatsiyalar hamda aviatsiya xavfsizligi sohasidagi davlatlarning qonuniy manfaatlari o'rtasidagi muvozanatni ta'minlashga qodir bo'lgan ixtisoslashtirilgan xalqaro huquqiy vositalarni ishlab chiqish zarurligi ta'kidlandi.

Kalit so'zlar: uchuvchisiz uchish apparatlari, xalqaro havo huquqi, huquqiy tasniflash, havo bo'shlig'i suvereniteti, Chikago konvensiyasi, standartlar, chegaralararo operatsiyalar, milliy tartibga solish modellari

THE LEGAL NATURE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN INTERNATIONAL LAW: CLASSIFICATION APPROACHES AND ISSUES OF SOVEREIGNTY

Sidikov Rustam,

Independent researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. The article examines the legal aspects of classifying and regulating unmanned aerial vehicles within the framework of international air law. The evolution of international legal approaches to determining the legal status of unmanned aerial vehicles is analyzed - from the provisions of the 1944 Chicago Convention to modern standards and recommendations of the International Civil Aviation Organization. Special attention is paid to the problems of classifying unmanned aerial vehicles, including terminological discrepancies and various taxonomic approaches based on weight, purpose, and technical characteristics. Issues of state sovereignty over the airspace in the context of transboundary operations of unmanned aerial vehicles, including determining the vertical limits of such sovereignty, are being investigated. The legal distinction between state and private unmanned aerial vehicles, as well as the criteria for their classification in different national jurisdictions, is examined. Based on a comparative

analysis of the regulatory models of various states, trends in harmonization and fragmentation in the international regulation of drone aviation have been identified. It was concluded that it is necessary to develop specialized international legal instruments capable of taking into account the unique features of unmanned aerial vehicles and ensuring a balance between technological innovations and the legitimate interests of states in the field of aviation security.

Keywords: *unmanned aerial vehicles, international air law, legal classification, airspace sovereignty, Chicago Convention, standards, cross-border operations, national regulatory models*

Введение

Одним из наиболее важных технологических изменений в авиации за последние десятилетия было создание и распространение беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). Международная организация гражданской авиации (ИКАО) прогнозирует, что к 2026 году мировой рынок коммерческих дронов достигнет объёма в 43 млрд долларов, а к 2025 году в мире будет эксплуатироваться более 7 млн потребительских дронов [1]. Технологии развиваются так быстро, что международные и национальные правовые системы сталкиваются с беспрецедентными проблемами.

Множество факторов делает исследование правовой природы беспилотных летательных аппаратов актуальным и значимым. Во-первых, действующие международно-правовые рамки, основу которых составляет Чикагская конвенция 1944 года, формировались в эпоху, когда беспилотные технологии ещё не получили широкого распространения ни в гражданской, ни в коммерческой сферах [2]. Во-вторых, правовая классификация БПЛА представляет собой сложную задачу, обусловленную высокой степенью разнообразия этих аппаратов по техническим характеристикам, функциональности и потенциальным рискам [3]. В-третьих, трансграничные операции с участием БПЛА порождают многочисленные вопросы, касающиеся применимого права и распределения юрисдикции, которые в настоящее время не находят исчерпывающего разрешения в рамках существующих

международных правовых механизмов.

Цель исследования – проанализировать правовую природу беспилотных летательных аппаратов с точки зрения международного права, уделяя особое внимание вопросам классификации и суверенитета государств над воздушным пространством. Задача состоит в выявлении существующих проблем и противоречий в действующих методах регулирования БПЛА, а также в определении перспективных направлений развития международной правовой базы в данной сфере.

Основные задачи исследования включают: 1) анализ действующих международно-правовых актов, регулирующих использование БПЛА, включая стандарты ИКАО и положения Чикагской конвенции; 2) выявление и систематизация международных и национальных подходов к правовой классификации БПЛА; 3) исследование вопросов государственного суверенитета над воздушным пространством в контексте применения БПЛА; 4) анализ правового статуса частных и государственных БПЛА; 5) сравнительный анализ национальных регуляторных моделей; 6) определение перспектив развития международного законодательства в области беспилотной авиации.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе правовой природы БПЛА с учётом последних изменений в международном и национальном законодательстве. Кроме того, в исследовании предложены рекомендации по совершенствованию международной правовой

базы с учётом специфики беспилотных технологий.

Материалы и методы

Методологическая база исследования включает совокупность научных методов, обеспечивающих всестороннее изучение правового статуса БПЛА в международном праве.

Формально-юридический метод применялся для анализа положений Чикагской конвенции 1944 года, стандартов ИКАО и других международных актов, регулирующих использование воздушного пространства и правовой статус воздушных судов. Этот метод позволил выявить особенности нормативного регулирования БПЛА и зафиксировать существующие пробелы в правовой системе [4].

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления национальных моделей регулирования БПЛА, включая практики России, Европейского союза, США, Китая и Сингапура. Это позволило выявить различия и тенденции к гармонизации правовых подходов в разных юрисдикциях [5–8].

Системный подход позволил изучить взаимодействие международной правовой системы регулирования БПЛА с иными отраслями права, включая экспортный контроль, телекоммуникационное законодательство и нормы о защите персональных данных [9].

Историко-правовой подход применялся для прослеживания эволюции правового регулирования БПЛА – от упоминания в Чикагской конвенции до современных специализированных норм [2; 3; 5].

Функциональный подход использовался для анализа применения правовых норм к различным видам БПЛА в зависимости от их назначения, технических характеристик и условий эксплуатации [10].

Эмпирическая база исследования. Исследование опирается на следующие источники:

- международные соглашения и конвенции, включая Конвенцию о международной гражданской авиации (1944) [2];

- стандарты и рекомендации ИКАО, включая Приложения к Чикагской конвенции и специализированные документы по БПЛА [4; 5];

- регламенты Европейского союза 2019/945 и 2019/947 [11];

- национальные законы в сфере регулирования БПЛА [6–8; 12; 13];

- судебная практика, касающаяся правового статуса БПЛА [14; 15];

- аналитические материалы международных научных центров и организаций [16; 17].

Для подтверждения актуальности исследования были проанализированы научные публикации 2015–2023 годов, посвящённые правовому регулированию БПЛА, особенно вопросам классификации и государственного суверенитета [9; 17–20].

Также рассмотрены последние инициативы международных и региональных структур по унификации и стандартизации правил использования БПЛА, включая работу Совместных авиационных властей по беспилотным системам (JARUS) [21] и программу DRONE ENABLE, реализуемую ИКАО [1].

Результаты исследования

Анализ международно-правовых документов показывает, что основой регулирования беспилотных летательных аппаратов по-прежнему остаётся Чикагская конвенция 1944 года, несмотря на то, что на момент её принятия массовое использование беспилотных технологий не предусматривалось. В частности, статья 8 Конвенции, посвящённая «беспилотным воздушным судам», устанавливает фундаментальный принцип: полёты таких аппаратов над территорией договаривающегося государства допускаются только с его специального разрешения [2]. В применении к БПЛА это подтверждает абсолют-

ный суверенитет государств над своим воздушным пространством.

В последние годы ИКАО последовательно адаптирует международную нормативную базу к реалиям беспилотной авиации. Существенное значение имеют циркуляр № 328 «Беспилотные авиационные системы» (2011) и Руководство по дистанционно пилотируемым авиационным системам (Doc 10019, 2015) [4; 5]. В этих документах закреплено терминологическое различие между дистанционно пилотируемыми авиационными системами (далее – ДПАС) и полностью автономными системами. При этом действующие международные стандарты в настоящее время разработаны только для ДПАС.

Среди региональных инициатив наиболее развитой и комплексной является правовая база Европейского союза, установленная Регламентами 2019/945 и 2019/947 [11]. Эти акты предлагают классификацию БПЛА, основанную на оценке рисков и включающую три категории операций: «открытая», «специальная» и «сертифицированная». Такой подход доказал свою эффективность в обеспечении баланса между требованиями безопасности и операционной гибкостью.

Важную роль в формировании технических и эксплуатационных требований к БПЛА играет организация JARUS (Объединённые органы по разработке правил для беспилотных систем). На основе её разработок построены нормативные подходы более чем в 60 странах [21]. Особенно значима разработанная JARUS методология оценки риска – SORA, позволяющая выработать требования к безопасности в зависимости от конкретных условий эксплуатации.

Исследование показало, что в различных правовых системах отсутствует единообразие в терминологии, используемой для обозначения беспилотных летательных аппаратов. Понятия «дрон», «ДПАС»,

«беспилотная авиационная система» и «БПЛА» часто используются как синонимы, что ведёт к правовой неопределённости [10].

Классификация БПЛА по весу остаётся наиболее распространённой, однако между юрисдикциями имеются существенные различия в пределах весовых категорий. Например, европейское регулирование предусматривает детализированную шкалу весов с соответствующими техническими требованиями [11], тогда как в США ключевой границей является масса в 55 фунтов (примерно 25 кг), разделяющая крупные и малые системы [6].

Набирает популярность классификация, основанная на оценке операционных рисков. Такой подход учитывает не только технические параметры аппарата, но и контекст его использования: плотность населения в зоне полёта, тип воздушного пространства и применяемые меры по снижению рисков. Впервые внедрённый в праве ЕС, этот метод оказался более гибким и позволил точнее соотносить требования безопасности с фактическими обстоятельствами [11].

Особый интерес представляет подход Китая, в котором классификация БПЛА осуществляется не только по весу, но и по степени автономности. Согласно нормативной базе Управления гражданской авиации КНР от 2021 года, БПЛА подразделяются на три категории: 1) дистанционно управляемые (под постоянным контролем оператора), 2) полуавтономные (с частичной самостоятельностью под наблюдением человека) и 3) полностью автономные системы [8]. Это один из первых примеров законодательного признания различий между уровнями автономности.

Исследование подтверждает, что международно-правовое регулирование БПЛА основано на принципе абсолютного суверенитета государств над своим воздуш-

ным пространством, закреплённом в статье 1 Чикагской конвенции [2]. Однако практика применения этого принципа к быстро развивающейся сфере беспилотной авиации демонстрирует наличие ряда нерешённых и остро дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего нормативного урегулирования на международном уровне.

Вопрос о вертикальных границах государственного суверенитета приобретает особую остроту в контексте операций БПЛА на различных высотах. Традиционная практика государств предполагает признание их суверенитета над воздушным пространством до пределов, используемых обычными воздушными судами, несмотря на отсутствие в международном праве чётко определённой верхней границы национального воздушного пространства [18]. Вместе с тем БПЛА способны выполнять полёты на предельно малых высотах, особенно в городской среде, что приводит к размыванию границ между авиационным регулированием и нормами, регулирующими деятельность на поверхности земли [19].

Анализ практики различных стран указывает на увеличение числа инцидентов, связанных с пересечением БПЛА международных границ, особенно в спорных и чувствительных пограничных регионах, что создаёт риски эскалации и международных споров. При этом подход к юридической квалификации подобных инцидентов различается в зависимости от принадлежности БПЛА. Несанкционированные полёты государственных БПЛА, как правило, рассматриваются как возможное нарушение суверенитета, что может вызывать дипломатические протесты или даже силовые ответы [22]. В то же время случаи с участием частных беспилотников чаще классифицируются как правонарушения, подлежащие национальному правоприменению, а не как межгосударственные конфликты.

Особую сложность представляют полёты БПЛА за пределами прямой видимости (BVLOS), при которых возможно непреднамеренное пересечение государственных границ. В настоящее время в международной практике отсутствует устоявшийся механизм регулирования таких ситуаций, что порождает правовую неопределённость как для операторов, так и для органов контроля, создавая риск конфликтов юрисдикций [23].

В ходе исследования правового статуса государственных и частных БПЛА было выявлено, что применимые к ним правовые режимы существенно различаются. Так, статья 3 Чикагской конвенции исключает из сферы её действия «государственные воздушные суда», определяя их как аппараты, используемые в военных, таможенных и полицейских целях [2]. Это разграничение имеет особое значение применительно к БПЛА, поскольку последние активно используются как в вооружённых силах, так и в деятельности правоохранительных органов.

Отдельный интерес представляет анализ различий в критериях признания БПЛА государственными воздушными судами в различных правовых системах. Например, в США применяется функциональный, а не собственнический подход: определяющим фактором является не принадлежность БПЛА государству, а цель его использования. Это подтверждается судебной практикой, в частности делом *Phelps v. United States* (1976) [24], где суд указал, что БПЛА, используемые государственными органами в гражданских целях (например, для мониторинга окружающей среды), подлежат квалификации как гражданские воздушные суда, а не как государственные.

Особый интерес представляет правовая классификация БПЛА, используемых правоохранительными органами, поскольку они действуют в гражданской

среде, но при этом выполняют государственные функции обеспечения безопасности. Согласно исследованию британского законодательства, постановление о воздушной навигации 2016 года (с поправками) относит полицейские БПЛА к категории государственных воздушных судов при выполнении задач, связанных с безопасностью. Однако, если такие БПЛА осуществляют полёты, аналогичные операциям частных компаний, они обязаны соблюдать требования гражданской авиации [25].

Анализ правового режима военных БПЛА показал, что они функционируют в рамках специализированных нормативных систем, отражающих их особую миссию и повышенные требования к безопасности. Во многих юрисдикциях управление военными БПЛА осуществляется министерствами обороны и осуществляется вне рамок контроля гражданских авиационных органов [25].

Исследование также выявило проблему распространения военных БПЛА и технологий среди негосударственных субъектов, что вызывает сложности в классификации таких аппаратов, когда они фактически используются в военных целях, но не подпадают под традиционное определение государственных воздушных судов. Данный вопрос стал предметом рассмотрения Совета Безопасности ООН, в том числе в Резолюции 2617 (2021 года), в которой были установлены обязательства по отчётности в отношении распространения БПЛА среди признанных террористических организаций [26].

Сравнительный анализ национальных регуляторных подходов к БПЛА показал значительное разнообразие в способах правового регулирования, отражающее различные правовые традиции, политические приоритеты и технические особенности национальных авиационных систем.

Так, российская модель регулирования БПЛА делает акцент на безопасность и централизованное управление. Федеральный закон № 404-ФЗ (2016) установил базовые нормы, обязывающие регистрировать все БПЛА массой более 250 граммов и налагающие строгие ограничения на их эксплуатацию, особенно в пределах населённых пунктов [12]. Дальнейшее развитие эта норма получила в подзаконных актах, включая постановление Правительства № 658 (2019), которое утвердило разрешительную систему и необходимость предварительного согласования большинства полётов за пределами специально отведённых зон [13].

В Европейском союзе регуляторный подход ориентирован на унификацию норм в рамках общего правового пространства и на применение оценки рисков как основы регулирования. Регламенты ЕС 2019/945 и 2019/947 предусматривают три категории операций в зависимости от уровня риска: «открытую» – для низкорисковых полётов, «специальную» – требующую оценки риска и авторизации, «сертифицированную» – для операций с высоким уровнем риска [11]. Такой подход позволяет гибко соотносить объём правовых требований с потенциальной угрозой, исходящей от конкретных полётов.

В Сингапуре, как в густонаселённой стране с ограниченным воздушным пространством, применён инновационный подход. Поправки к закону о воздушной навигации 2014 года позволили Управлению гражданской авиации внедрить систему оценки рисков, учитывающую вес БПЛА, их назначение и локацию операций [27]. Особый интерес представляет создание «зон для дронов», где возможно проведение экспериментальных полётов при ослабленных регуляторных ограничениях, что способствует развитию инноваций при сохранении надёжного кон-

троля в чувствительных или перегруженных зонах.

Обобщённый анализ показал наличие устойчивых тенденций в национальных системах регулирования. Несмотря на сохраняющееся доминирование классификации по массе, всё чаще применяется интеграция критериев назначения и операционного риска [16]. Практически все юрисдикции ужесточили требования к регистрации БПЛА, что обусловлено возросшими опасениями в сфере безопасности и ответственности. Внедрение технологий геопространственного ограничения (геофенсинга) становится стандартом: во многих странах предусмотрены технические барьеры, исключающие возможность эксплуатации БПЛА в запретных или чувствительных зонах [28]. Эти тенденции свидетельствуют о нарастающей унификации подходов, способной в будущем сформировать основу для более согласованных международных стандартов.

Анализ результатов исследования

Настоящее исследование позволяет сделать ряд значимых выводов о правовой природе беспилотных летательных аппаратов в контексте международного права, а также выявить ключевые проблемы, присущие существующей системе регулирования.

Анализ международных правовых основ регулирования БПЛА показал, что действующая система, базирующаяся на положениях Чикагской конвенции, предоставляет лишь общие рамочные принципы, которые оказываются недостаточно детализированными для эффективного управления многообразием операций современных беспилотных систем [17]. Так, статья 8 Конвенции закрепляет лишь базовый принцип разрешительного порядка осуществления полётов беспилотных воздушных судов, не создавая при этом комплексной нормативной базы, адаптированной к техническим и

эксплуатационным особенностям БПЛА. Несмотря на значимые шаги ИКАО, включая публикацию специализированных стандартов и рекомендованной практики, эти усилия касаются лишь дистанционно пилотируемых систем, оставляя вне правового регулирования полностью автономные БПЛА [4; 5].

Наиболее эффективными на сегодняшний день представляются региональные инициативы, особенно нормативная база Европейского союза, однако они ограничены рамками регионального действия [11]. Работа Объединённых властей по разработке правил для беспилотных систем – JARUS вносит вклад в гармонизацию международного регулирования, однако её разработки носят консультативный характер и не обладают обязательной юридической силой [21]. Таким образом, можно констатировать, что современная международно-правовая база регулирования БПЛА недостаточно развита и фрагментарна, что не позволяет ей в полной мере соответствовать вызовам беспилотной авиации.

Анализ подходов к правовой классификации БПЛА выявил значительные расхождения между различными юрисдикциями, что затрудняет международное сотрудничество и взаимное признание регуляторных режимов [10; 16]. Отсутствие единых международных стандартов и унифицированной терминологии приводит к тому, что БПЛА, легально эксплуатируемые в одной стране, могут оказаться вне правового поля в другой, включая соседние государства. Эта проблема особенно остра в регионах с высокой плотностью международных границ, например в Европе или Юго-Восточной Азии.

Наблюдается устойчивая тенденция к применению более гибких и функциональных методов классификации, учитывающих назначение, условия эксплу-

атации и уровень риска, а не только технические параметры, такие как вес или дальность полёта [8; 11]. Такой подход позволяет адекватнее учитывать разнообразие беспилотных технологий, но в то же время усложняет процесс выработки международно-признанных классификационных критериев. В условиях активного внедрения искусственного интеллекта и увеличения уровня автономности беспилотных систем особый интерес представляет классификация по уровню автономности, закреплённая в китайском законодательстве [8].

Изучение вопросов государственного суверенитета и юрисдикции в контексте БПЛА показало, что традиционное представление о полном государственном контроле над воздушным пространством сталкивается с новыми вызовами [18; 19]. Особенно сложным остаётся вопрос о вертикальных границах суверенитета, что имеет значение для БПЛА, функционирующих на малых высотах в урбанизированной среде, где граница между нормами авиационного и наземного регулирования размывается [9].

Полёты за пределами прямой видимости – BVLOS, которые могут непреднамеренно пересекать международные границы, создают значительные юрисдикционные сложности для трансграничных операций БПЛА [23]. Отсутствие устойчивой международной практики в этой области порождает правовую неопределённость и увеличивает риск международных инцидентов. Стандартные механизмы, применяемые к регулярным международным авиаперевозкам, оказываются неэффективными в отношении спонтанных и высоко диверсифицированных операций БПЛА [29].

Анализ показал, что традиционное деление воздушного права на гражданские и государственные воздушные суда не полностью учитывает особенности беспилотных систем [30].

Критерии отнесения БПЛА к категории государственных воздушных судов различаются от юрисдикции к юрисдикции, что порождает правовые коллизии [24; 25]. Особенно остро стоит вопрос классификации БПЛА, используемых государственными органами для выполнения официальных задач, а также беспилотников, эксплуатируемых негосударственными вооружёнными формированиями [26; 31].

Сравнительный анализ национальных подходов к регулированию БПЛА демонстрирует существенные различия, обусловленные спецификой правовых традиций, приоритетов государственной политики и уровнем развития технической инфраструктуры [7; 11–13]. Например, Россия и ряд других государств, ориентируясь на безопасность и централизованный контроль, установили жёсткие разрешительные режимы [12; 13]. Европейский союз применяет риск-ориентированный подход, позволяющий гибко адаптировать требования при обеспечении надлежащего уровня безопасности [11]. В свою очередь, Сингапур реализует инновационную стратегию путём создания специализированных зон для экспериментальных полётов [7].

Несмотря на многообразие национальных моделей, прослеживаются общие тенденции, такие как ужесточение требований к регистрации БПЛА, внедрение геопространственных ограничений и развитие технологий удалённой идентификации [16; 28]. Эти элементы могут в перспективе послужить основой для разработки более унифицированных международных стандартов. Однако существенные различия в подходах, отражающие различные приоритеты в обеспечении баланса между инновациями и безопасностью, продолжают затруднять выработку согласованной международной правовой позиции [20].

Кроме того, исследование показало, что регулирование БПЛА затрагивает несколько отраслей права: воздушное, телекоммуникационное, экспортного контроля, защиты персональных данных, а также нормы ответственности [9]. Необходимость соблюдения различных правовых режимов, которые могут содержать противоречивые или несовместимые требования, значительно осложняет реализацию согласованной регуляторной политики. Конфликты юрисдикций между регулирующими органами являются распространённым явлением в ряде стран, при этом границы между соответствующими правовыми сферами по-прежнему остаются предметом споров [32].

Выводы

В результате проведённого исследования можно сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Международная нормативно-правовая база, регулирующая использование беспилотных летательных аппаратов, остаётся фрагментарной и недостаточно адаптированной к вызовам современной беспилотной авиации. Основополагающие документы, такие как Чикагская конвенция 1944 года и стандарты ИКАО, обеспечивают лишь общие принципы, не охватывая в полной мере особенности БПЛА, особенно автономных систем.

2. Отсутствие унифицированной международной системы классификации БПЛА затрудняет правовое регулирование трансграничных операций. Правовая неопределённость, обусловленная различиями в терминологии и классификационных подходах, препятствует международной координации. Перспективным направлением развития является переход к риск-ориентированным моделям, учитывающим конкретные параметры операций.

3. Проблемы государственного суверенитета над воздушным пространством

в контексте применения БПЛА приобретают новые очертания, особенно в связи с отсутствием чётких международных норм, определяющих вертикальные границы суверенитета и механизмов разрешения трансграничных инцидентов.

4. Деление воздушных судов на гражданские и государственные, закреплённое в международном праве, не учитывает специфику беспилотных систем. Различие в критериях отнесения БПЛА к категории государственных воздушных судов в различных юрисдикциях создаёт правовую неопределённость и затрудняет правоприменение.

5. Национальные подходы к регулированию БПЛА отражают различия в правовых традициях, технических возможностях и приоритетах государственной политики. Вместе с тем прослеживаются общие тенденции: ужесточение регистрационных процедур, внедрение геопрограммированных ограничений и развитие механизмов удалённой идентификации.

6. Междисциплинарный характер регулирования БПЛА, охватывающий авиационное право, телекоммуникации, экспортный контроль, защиту персональных данных и ответственность, требует комплексных, согласованных подходов к нормотворчеству и правоприменению.

На основании проведённого анализа предлагаются следующие меры для совершенствования международно-правового регулирования БПЛА:

1. Разработка специализированного международного правового акта, учитывающего особенности беспилотной авиации. Такой акт должен охватывать вопросы классификации, трансграничных операций, юрисдикции и ответственности с учётом как технических, так и правовых реалий.

2. Формирование международно признанной системы классификации БПЛА, основанной на сочетании технических ха-

рактистик, функционального назначения и оценки рисков. Такая система должна обеспечивать правовую предсказуемость и быть адаптированной к быстро развивающимся технологиям.

3. Создание механизмов трансграничного регулирования БПЛА, включая обмен информацией между государствами, взаимное признание регистраций, лицензий и сертификатов, а также координированное управление воздушным движением в приграничных зонах.

4. Разработка правового режима для автономных БПЛА, предусматривающего сертификацию, установление пределов ответственности и этические стандарты. Особое внимание должно уделяться возможностям искусственного интеллекта в системах автономного управления.

5. Расширение международного сотрудничества в области стандартиза-

ции, в том числе предоставление JARUS более официального статуса международной организации с мандатом на выработку обязательных технических стандартов.

6. Разработка комплексной модели регулирования, обеспечивающей согласование авиационных требований с положениями законодательства в смежных отраслях, в частности в сфере телекоммуникаций, экспорта технологий, защиты данных и кибербезопасности.

Внедрение указанных рекомендаций позволит выработать более эффективную, сбалансированную и согласованную международно-правовую систему, которая будет способствовать безопасному и устойчивому развитию беспилотной авиации при соблюдении суверенных интересов государств и защите общественных ценностей.

REFERENCES

1. International Civil Aviation Organization. Unmanned Aircraft Systems: The Evolving Regulatory Landscape. ICAO Publishing, Montreal, 2023.
2. International Civil Aviation Organization. Convention on International Civil Aviation. Chicago, ICAO Publ., 1944.
3. International Civil Aviation Organization. Manual of Remotely Piloted Aircraft Systems (RPAS) (Doc 10019). Montreal, ICAO Publ., 2015.
4. European Commission. Commission Implementing Regulation (EU) 2019/947 of 24 May 2019 on rules and procedures for the operation of unmanned aircraft. *Official Journal of the European Union*, 2019, vol. 152/45.
5. Federal Aviation Administration. Small-Unmanned Aircraft Systems Rule (Part 107). Washington, D.C., Department of Transportation, 2016.
6. Civil Aviation Authority of Singapore. Air Navigation (Amendment) Act 2014. Government of Singapore, 2014.
7. Civil Aviation Administration of China. Regulations on Unmanned Aircraft Classification and Operational Requirements. Beijing, CAAC Publ., 2021.
8. Mendez de L.P. International Air Law and Unmanned Aircraft Systems: Limitations of the Chicago Convention System. *Journal of International Air Law*, 2022, vol. 47(2), pp. 104–128.
9. International Civil Aviation Organization. Unmanned Aircraft Systems (UAS) (Circular 328). Montreal, ICAO Publ., 2011.
10. Hodgkinson D., Johnston R. *Aviation Law and Drones: Unmanned Aircraft and the Future of Aviation*. London, Routledge, 2018.

11. Russian Federation. Federal Law No. 404-FZ on Amendments to the Air Code of the Russian Federation. Moscow, Government of the Russian Federation, 2016.
12. Russian Federation. Government Resolution No. 658 on Unmanned Aircraft Systems. Moscow, Government of the Russian Federation, 2019.
13. International Court of Justice Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). ICJ Reports, the Hague, 1986.
14. U.S. Court of Appeals. Phelps v. United States, 546 F.2d 430.1st Cir. 1976.
15. RAND Corporation. Global Drone Regulation: Comparative Analysis and Implementation Challenges. Santa Monica, RAND Corporation, 2022.
16. International Civil Aviation Organization, Legal Committee. Report of the 39th Session of the Legal Committee. Doc 10190, LC/39. Montreal, ICAO Publ., 2023.
17. Cheng B. Air Law in the Age of Drones: Sovereignty and Emerging Spatial Challenges. Cambridge, Cambridge University Publ., 2020.
18. International Court of Justice. Aerial Incident of 10 August 2020. ICJ Reports, the Hague, 2022.
19. Hirst P. Hybrid governance models for evolving aviation technologies. *Journal of Air Law and Commerce*, 2023, vol. 88(3), pp. 449–482.
20. Joint Rulemaking Authority for Unmanned Systems. JARUS Guidelines for Special Operations Risk Assessment (SORA), Version 3.0. Brussels, JARUS Publ., 2023.
21. United Nations General Assembly. Letter dated 15 February 2022 from the Permanent Representative of Iran to the United Nations addressed to the Secretary-General. A/76/766. New York, United Nations, 2022.
22. International Civil Aviation Organization, Legal Committee. Working Paper on Jurisdictional and Enforcement Issues for Unmanned Aircraft Operations. LC/39-WP/3-5. Montreal, ICAO Publ., 2023.
23. North Atlantic Treaty Organization. STANAG 4703: Airworthiness Requirements for Light Unmanned Aircraft Systems, 3rd ed. Brussels, NATO Standardization Office, 2023.
24. United Nations Security Council. Resolution 2617 (2021). S/RES/2617. New York, United Nations, 2021.
25. State Duma of the Russian Federation. Bill on Amendments to the Air Code of the Russian Federation. Moscow, State Duma, 2023.
26. United Nations Office for Disarmament Affairs. Study on International Cooperation in the Management of Unmanned Systems. New York, United Nations, 2023.
27. International Civil Aviation Organization. Strategic Plan for the Advancement of UAS Regulation: 2025-2035. Montreal, ICAO Publ., 2024.
28. Abeyratne R. Regulation of Unmanned Aircraft Systems: International and National Standards. Berlin, Springer, 2021.
29. International Civil Aviation Organization. State of Global Aviation Safety: Special Report on Unmanned Aircraft Systems. ICAO Publ., Montreal. 2023.
30. Banner S. Sovereignty in Three Dimensions: The Evolution of State Authority over Airspace. *Harvard Journal of International Law*, 2022, vol. 63(1), pp. 1–54.
31. International Civil Aviation Organization. Operation of State Aircraft: Handbook for Unmanned State Aircraft. Montreal, ICAO Publ., 2022.
32. International Committee of the Red Cross. International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflict, Section V. Geneva, ICRC Publ., 2021.
33. United Nations Security Council. Report on ISIL, Al-Qaida and associated individuals and entities. S/2022/547. New York, United Nations, 2022.

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-YIL 3-SON

VOLUME 5 / ISSUE 3 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.3.